

АНГЛИЯ В ВОЙНЕ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Ф. Крузе

Говоря об участии Великобритании в том, что англичане называют «Французскими войнами» (French Wars), как правило, вспоминают всеобщую подготовку к отражению высадки французов в те дни, когда Наполеон стоял лагерем в Булони, военные кампании Веллингтона на Иберийском полуострове, масштабную финансовую помощь союзникам в 1813–1814 гг., и куда реже — события той войны, которая закончилась Амьенским миром. А между тем в борьбе с революционной Францией, особенно после 1797 г., англичане предпринимали заметные усилия. Прежде чем установить связь этой военной активности Великобритании с экономической конъюнктурой и некоторыми политическими событиями, я дам характеристику ситуации в британских вооруженных силах и финансах тех лет.

* * *

Начнем с флота — главной опоры страны. В Британии почти не строили линейных кораблей: с 1794 г. по 1802 г. их было введено в строй только 28 против 62 французских. С 1799 г. по 1801 г. число 60-пушечных кораблей увеличилось всего лишь со 113 до 127. Причина заключается в том, что потери англичан на море были невероятно малы, и превосходство британского флота над французским, который за эти годы потерял 68 линейных кораблей, постоянно возрастало. Зато с английских верфей сходило много фрегатов и более мелких судов, необходимых для защиты торговых караванов, наблюдения за вражескими портами и т. д. В итоге общее число военных кораблей выросло с 304 до 511, а их водоизмещение — с 295 000 до 417 000 тонн.

Франсуа Крузе, почетный профессор Университета Париж-Сорбонна.

Кроме того, несмотря на солидный возраст линейных кораблей, их техническое оснащение находилось на высочайшем уровне, а подготовка личного состава Королевского флота была выше всяких похвал. Команды британских кораблей закалились в дальних плаваниях и победоносных сражениях, офицерский состав отличался компетентностью, а среди адмиралов было множество не только талантливых, но даже гениальных тактиков и стратегов. Не обошлось, правда, и без кризиса — мятежа 1797 г., — но королевский флот его пережил. И вскоре одержал при Абукире, как заметили Мартина Асерра и Джин Мейер, первую победу в баталии, закончившейся полным уничтожением противника. В любом случае, к моменту заключения Амьенского мира военно-морские силы всех европейских держав были истощены (у Франции осталось только 45 линейных кораблей при том, что в 1793 г. она располагала 88) — всех, кроме Великобритании. Королевский флот теперь составлял больше половины всех военно-морских сил Европы, тогда как за десять лет до этого его доля была меньше трети. Блистательный Королевский флот являл собой надежный заслон против любой атаки.

Что касается сухопутных войск, то тут ситуация была не столь безоблачной, вопреки предпринимаемым серьезным мерам по их усилению. Традиционно Англия содержала небольшую регулярную армию (в 1792 г. в ней насчитывалось менее 45 000 человек) и, согласно многим источникам, весьма средних боевых качеств. Правда, в дополнение к ней имелось ополчение — милиция, организованная местными властями: определенное число ополченцев от каждого графства набиралось путем жеребьевки среди дееспособных мужчин от 18 до 45 лет, при этом имелось множество возможностей получить освобождение от службы или откупиться. На деле ополченцев созывали всего раз в год на 28-дневные учения, и служили они лишь внутри страны — в заграничный поход их отправить было нельзя. В 1792 г. милиция, существовавшая только в Англии и Уэльсе, насчитывала (на бумаге) 31 000 человек.

С началом войны была развернута кампания по вербовке солдат. Использовались привычные для XVIII в. методы, нередко вызывавшие бунты в случаях, когда набор в армию фактически превращался в похищение людей. Так или иначе, с 1793 г. по 1798 г. в регулярную армию вступило 150 000 человек. Но потери, главным образом из-за эпидемий, от которых страдали экспедиционные войска, отправленные на Антильские острова, были очень велики. В 1793—1801 гг. туда отбыло 89 000 солдат, из них 62 000, то есть 70%, умерли. Если к этому добавить потери среди членов команд королевского флота в том же ре-

гионе, цифра достигнет примерно 100 000. В 1799 г. Генри Аддингтон, будущий премьер-министр, писал: «Климат Вест-Индии <...> уничтожил армию Великобритании». С 1797 г., правда, метрополия перестала посылать на Антильские острова крупные воинские подразделения — там были сформированы полки из местных уроженцев.

Британское правительство использовало различные средства для увеличения личного состава вооруженных сил: с 1799 г. оно призывало новобранцев из милиции переходить в регулярную армию за вознаграждение. В 1795 г. в армии служило около 100 000 человек, в 1801-м — 150 000.

Однако значительная часть войск, расквартированных в колониях, число которых увеличилось в результате завоеваний, пребывала в бездействии, тогда как ресурсы для защиты Британских островов и для военных операций в Европе были действительно скудны. В англо-русской Голландской кампании 1799 г., ставившей целью освобождение Нидерландов, участвовало всего 22 000 британцев; Египет в 1801 г. отвоевывали 15 000 солдат. И все же, несмотря ни на что, у Великобритании стал накапливаться определенный резерв для наступательных действий. Кроме того, удалось достичь заметных успехов в повышении уровня профессионализма командного состава, военной подготовки солдат и боевых качеств артиллерии. Как известно, в Египте британские полки сражались очень достойно.

Численность ополчения тоже возросла, особенно после создания в 1796 г. «вспомогательной милиции» из 64 000 человек и введения той же системы в Шотландии. Согласно документам, в 1799 г. в милиции насчитывалось уже 100 000 человек, но вскоре она была расформирована, и часть ополченцев перешла в регулярную армию. И наконец, нужно упомянуть, что начиная с 1793 г. власти разрешали и даже поощряли создание добровольческих полков из местных дворян. По сути, это было нечто вроде контрреволюционной национальной гвардии сомнительных военных достоинств.

В целом численность сухопутных британских войск в 1801 г. составила 289 000 солдат, во флоте служило 135 000 человек, итого 424 000 (в 1792 г. — чуть больше 60 000). И это при общей численности населения Великобритании 10 700 000 жителей. Приняв во внимание возрастную пирамиду, можно подсчитать, что в рядах вооруженных сил служило примерно 20% всех мужчин военнообязанного возраста (эта цифра немного уменьшится, если учесть, что в британской армии и даже во флоте было много ирландцев). Как верно заметил Пирс Маккези, процент военных по отношению к общей численности населения был в Великобритании выше, чем в любой другой державе.

Однако не похоже на то, чтобы эта «массовая мобилизация» стала причиной дефицита кадров где-либо, кроме торгового флота, да еще кое-где временами сельскохозяйственных и неквалифицированных рабочих — двух категорий, поставлявших солдат и матросов. Война избавила страну от безработицы.

Вооруженные силы Великобритании значительно пополнились в основном на добровольной основе, лишь на флоте существовали принудительная вербовка в заметных масштабах и система квот (каждый приход обязан был поставить государству определенное число рекрутов), а при формировании ополчения также устраивалась жеребьевка. Ну и нельзя не упомянуть о том, что преступники за согласие служить в армии получали отпущение грехов от государства. Тщательное изучение общественного мнения, проведенное по заказу правительства в 1798 г., показало, что многие мужчины военнообязанного возраста были готовы пополнить ряды добровольцев и сражаться, но только ради того, чтобы защитить свою деревню, свой город или свой родной край, и лишь в том случае, если таких, как они, наберется немалое число. И в 1803 г., когда королевство со дня на день ожидало высадки французских войск на своих берегах, вполне можно было ожидать невероятного всплеска патриотизма.

При всем том в период революционных войн призывная кампания шла не без серьезных проблем, и правительству не хватало войск, необходимых для эффективных боевых действий на континенте. Аддингтон в 1799 г. в уже процитированном выше тексте писал: «Ныне для обороны сил у нас в избытке, однако же для нападения средств почти никаких». Англия могла одержать верх над Францией только при поддержке коалиции.

* * *

Меры по укреплению армии и флота, естественно, стоили дорого. Только военные расходы выросли с 5,5 млн фунтов в 1792 г. до 32 млн в 1800 г., то есть почти в шесть раз. Общая сумма расходов, в свою очередь, увеличилась ровно втрое — с 17 млн до 51 млн. Великобритания переживала период инфляции; Патрик О'Брайен произвел подсчет этих затрат с ее учетом, чтобы получить цифры в сопоставимом масштабе. Результаты таковы: военные расходы 1788—1792 гг. увеличились в четыре раза в период 1798—1802 гг., с 4 млн до 15 млн в год. Он также подсчитал дополнительные затраты, связанные с войной (не учитывая расходы по обслуживанию государственного долга): в текущих ценах они составили 17 млн в год в период 1793—1797 гг. и 25 млн в 1798—1802 гг.; в сопоставимом же масштабе цен соответственно 14 млн

и 16,5 млн. До 1793 г. военные и гражданские расходы государства составляли всего 7 млн. Таким образом, расходы, по-прежнему без учета затрат на обслуживание государственного долга, увеличились втрое и были гораздо выше, чем во времена войны в Америке и Семилетней войны. И наконец, скажем, что в мирный период 1788–1792 гг. военные расходы составляли менее 4% национального дохода, а в 1798–1802 г. — больше 10%.

Каким образом финансировались эти огромные затраты? В первые годы войны Уильям Питт Младший следовал традиционной политике покрытия военных расходов за счет государственных займов и повышал налоги только для того, чтобы обеспечить обслуживание растущего государственного долга. В итоге в 1794–1798 гг. налоговые поступления в реальном масштабе цен были в среднем чуть ниже показателей 1788–1792 гг. Зато в 1798–1802 гг. уже на 30% выше по сравнению с мирным временем (78% в реальном масштабе цен).

Действительно, серьезный кризис, через который прошла Англия в 1797 г., кризис во многих областях, в том числе в монетарной сфере, заставил Питта изменить свою политику. Он пришел к выводу, что фискальные поступления должны покрывать более значительную долю расходов, а бремя новых налогов должна нести состоятельная часть населения. В 1797 г. он увеличил в три раза имущественный налог — *assessed taxes*, варьирующийся в зависимости от различных внешних показателей благосостояния, и главное — в 1799 г. ввел подоходный налог (*income tax*). Этим налогом облагался по ставке 10% ежегодный доход выше £200; с доходов от £200 до £60 взимались выплаты по нисходящей шкале, а доходы менее £60 налогообложению не подлежали. На деле подоходный налог принес меньше прибыли, чем Питт ожидал. Тем не менее, доля поступлений в казну от косвенных налогов (таможенные пошлины и акцизы, прежде всего), которая до этого была выше, снизилась: в 1790 г. она составляла 75%, в 1800 г. — 65%; тогда как доля поступлений от прямых налогов выросла с 17 до 27%. Увеличение налогового гнета при этом было относительным, ведь валовой национальный продукт тоже увеличился. В 1788–1792 гг. налоги составляли 12,3% национального дохода Великобритании; в 1798–1802 гг. эта цифра возросла, но всего лишь до 12,9%.

Что касается государственных займов, то в 1793–1797 гг. они приносили в среднем 18 млн в год (наивысшего уровня достигли в 1796 г. — 15% от совокупного внутреннего продукта) в реальном масштабе цен довоенного периода и немного снизились начиная с 1798 г. Номинальная стоимость государственного долга Соединенного королевства, составлявшая в начале 1792 г. 242 млн, через десять лет достигла

499 млн (и почти в полтора раза превысила тогда совокупный внутренний продукт), но итоговые суммы, полученные государством, были меньше, поскольку облигации распространялись по цене ниже номинальной. Тем не менее, общая сумма займов была внушительной, и обслуживание внутреннего долга выросло на 80% между 1792 г. и 1800 г. По сути, правительство брало займы для того, чтобы обеспечить обслуживание долга.

На этом основании Джеффри Уильямсон и другие авторы делают вывод, что государство занималось эвикцией свободных капиталов, изымая деньги в казну и мешая тем самым прибыльному частному инвестированию, а равно и дальнейшему развитию промышленной революции, которое стало замедляться. С их мнением не согласен Патрик О'Брайен, который считает, что уровень накопления капитала в 1790-х гг. был не намного ниже уровня 1780-х. Процесс инвестирования был замедлен, но не остановлен государственными займами. А объясняется это, по-видимому, патриотической реакцией состоятельных граждан: для них война против революционной Франции была войной в защиту частной собственности, как утверждал Питт. Ради сохранения своих состояний они активнее сэкономили средства и одалживали излишки государству. Однако, учитывая гигантские размеры государственных займов, я все же думаю, что нельзя исключать некоторую эвикцию.

В то же время налоговая и монетарная политика Питта была направлена на то, чтобы облегчить проведение государственных займов и вместе с тем поддержать высокий уровень капиталовложений. В отсутствие новых налогов для зажиточных классов она оставалась регрессивной — большая часть налогового гнета приходилась на потребительский сектор. Хотя заработные платы народных масс и продукты первой необходимости облагались достаточно умеренным налогом, тем не менее, налоги на товары, не относившиеся к этой категории, но вошедшие в широкое употребление — сахар, чай, табак, алкоголь, — были очень высоки.

Самым важным аспектом перемен, произошедших в 1797 г. в экономике, стала «приостановка», а, по сути, запрет на конвертирование в золото банкнот Английского Банка, резервы которого значительно снизились в начале года. «Приостановка» свободного обмена валюты продлилась до 1823 г. Эта вынужденная мера пошла на пользу, поскольку защитила фунт стерлингов от последствий непредвиденных обстоятельств политического и экономического характера, таких как, например, паника, возникшая в 1797 г. в связи с высадкой в Уэльсе подразделения французских войск — небольшого и к тому же быстро обезвреженного. Она также обеспечила большую свободу деятельно-

сти Английскому Банку и прочим банкам, проводившим либеральную политику кредитования предприятий и получившим возможность поддержать экономику в случае затруднений. С 1797 по 1800 г. количество банкнот Английского Банка в обращении выросло на 52%, его банковский портфель увеличился на 59%. Проценты на ссуды, которые в 1797/98 гг. удвоились по сравнению с 1792 г., начиная с 1799-го стали снижаться. В результате государство не потеряло доверия граждан и, соответственно, не лишилось возможности продолжать политику займов. Легкость, с которой год за годом правительству удавалось проводить государственные займы на крупные суммы по процентным ставкам, лишь ненамного превышавшим те, что назначались в мирное время, была одним из преимуществ Англии.

* * *

В целом британские финансовые расходы были велики, но не разрушительны для экономики, которая продолжала развиваться во время войны против революционной Франции. Однако по различным причинам случались и затруднения, и кризисы (как например в 1793, когда началась война), так что конъюнктура 1798—1801 гг., последних лет войны, являет собой картину заметных контрастов.

В экономическом плане британская конъюнктура между 1798 и 1801 гг. являет собой картину ощутимых контрастов. В некоторых секторах экономики преобладал бурный рост. В частности, в развивающемся производстве хлопка: ввоз хлопка-сырца — что дает приблизительное представление о размахе фабричной деятельности — увеличился в 2,5 раза между 1797 и 1801 гг. Объем экспорта товаров из хлопка в Европу вырос в 6 раз между 1797 и 1802 гг.; именно в этот период, а не в 1780-х гг., на континент хлынул поток британской хлопчатобумажной пряжи и тканей — результат промышленной революции, позволившей за счет технологического прогресса снизить цены. Также переживала подъем черная металлургия, чему способствовали трудности, связанные с импортом русских и шведских металлов и повышение цен на них во времена Лиги нейтральных держав, а также увеличение таможенных пошлин на зарубежные металлы; выплавка железа в стране увеличилась со 140 000 тонн в 1797 г. до 200 000 в 1801 г. (прирост в 43%, а в 1792 г. она и вовсе составляла всего лишь 100 000 тонн). Разумеется, общий уровень производства возрастал медленнее, чем показатели в этих двух отдельно взятых секторах, и все же между 1797 и 1800 гг. он достиг 17%, и если снизился в 1801 г., то всего на 4%. Что до внешней торговли, то она тоже процветала: с 1797 по 1801 год общий объем экспорта вырос на 49%, стоимость находив-

шихся в обращении ценных бумаг — на 45%. Произошел настоящий прорыв в торговле с немецкими портами, особенно с Гамбургом (который занял место Амстердама как главный торговый порт Северной Европы) и с Соединенными Штатами. Впрочем, именно из-за торговых связей с Гамбургом и случился в конце 1799 г. кратковременный кризис, спровоцированный избыточным ввозом продовольственных товаров из колоний. В любом случае, доля прибыли от экспорта в 1801 г. достигла той отметки — по некоторым подсчетам, 16–18% от совокупного внутреннего продукта, — которая будет превышена лишь многие годы спустя.

Наряду с этими достижениями, в британской экономике заметны и неблагоприятные факторы, прежде всего волна инфляции. Она была вызвана сельскохозяйственным кризисом — двумя последовавшими один за другим неурожаями 1799 и 1800 гг. Ситуация усугубилась трудностями, связанными с ввозом зерна по Балтийскому морю и повышением цен на него вследствие создания недолговечной Лиги нейтральных держав (тем не менее более миллиона кварталов, то есть 250 000 тонн зерна и муки были ввезены в 1800 и 1801 гг.). Расходы на войну за границей, падение фунта стерлингов и некоторая паника в обществе тоже сыграли свою роль.

В таких условиях средний индекс цен на зерно в Англии подскочил с базовой отметки 100, которая зафиксирована для 1792 г., а в 1799 г. составляла 160, до 265 в 1800-м и 278 в 1801². Конечно, увеличение общего индекса цен (на продукты национального производства и импортированные) было не таким стремительным; тем не менее, индекс увеличился со 122 в 1798 г. до 141 в 1799 г. и 171 в 1800 г.; соответственно, годовой уровень инфляции составил от 16 до 21%.

В свою очередь, индекс стоимости жизни вырос на 40% в 1798–1799 гг. и на 10% в 1799–1800 гг. Этот скачок цен — и, прежде всего, цен на продовольственные товары — повлек за собой существенное снижение покупательной способности заработной платы (если не сказать, полное ее обесценивание), несмотря на повышение ее номинального уровня в 1800 и 1801 гг.

Можно себе представить, какое оживление в тот период царило в обществе. Примем также во внимание активную деятельность ор-

² Цена на хлеб упала летом 1800 г. благодаря предпринятому тогда импорту зерна, но к весне 1801 г. опять выросла. Об этих экономических проблемах см. предисловие ко второму изданию книги Франсуа Крузэ «Британская экономика и Континентальная блокада» (*Crouzet F. L'économie britannique et le Blocus Continental*. P., 1987, прежде всего P.LXXIV и далее).

ганов государственного призрения (*Speenhamland system* была введена в 1795 г³) и частную благотворительность.

Фактически, все подсчитанные индексы общей суммы заработной платы в 1800 г. находятся на самом низком уровне за период Революционных войн против Франции. Если взять шесть из этих индексов, приняв за основу цифру 100 для 1790 г., то показатели 1800 г. составят от 64 до 81 и средняя цифра 75 будет на 27% меньше среднего показателя за 1797 г. Добавим, что индекс общей суммы заработной платы строительных рабочих на юге Англии достиг в 1801 г. самого низкого уровня с 1597 г., при том, что тогда, в конце XVI в., в стране царила страшная нищета. Подсчитано также, что в 1801 г. потребление на душу населения в реальном масштабе цен было на 28% меньше, чем в 1791 г. А вот потребление чая, сахара и табака немного возросло по сравнению с показателями десятилетней давности, возможно потому, что чай, сахар и табак стали продуктами первой необходимости даже для английских бедняков. О том, что повышение цен вызвало множество бунтов и забастовок, особенно в 1801 г., а также репрессивные меры со стороны правительства, я уже говорил.

В 1799 г., а особенно в 1800 и 1801 гг., платежный баланс Великобритании был нарушен вследствие вынужденных крупных закупок зерна за рубежом из-за неурожаев в стране, а также вследствие расходов на содержание британских войск за границей и на субсидии союзникам — Австрии и России. Эти «сумасшедшие» расходы оцениваются в 11 миллионов фунтов стерлингов за 1800 г. и в 12 миллионов за 1801 г. (соответственно 275 и 300 миллионов франков золотом). Дефицит обусловил обесценивание фунта стерлингов: гамбургский курс был на 12–13% ниже номинала в течение этих двух лет; наценка при конвертировании фунта в серебряные пиастры (*la prime des piastres d'argent*) — главный способ расчетов в международных платежах наличными — составляла 16% в 1800 г. и 18% в 1801 г.; все это усложняло для Англии переводы денежных средств союзникам.

В 1800 г. последствия инфляции были смягчены бурной экономической активностью, и Биржа, которая уже потихоньку выбиралась из финансовой ямы, куда угодила в 1797 г., продолжила свое восхождение, несмотря на кризис, докатившийся до Англии из Гамбурга осенью 1799 г. Но с октября 1800 г. по март 1801 г. биржевые ставки снова падали, и конъюнктура в целом ухудшалась. В марте цены на хлеб достигли максимальной величины, затем опустились, благодаря уни-

³ По этой системе малоимущим семьям (в основном сельским батракам) выдавалась надбавка к жалованью — проще говоря, выплачивалось семейное пособие.

чтожению Нельсоном датского флота в Копенгагене, открывшим для англичан Балтику, и благоприятным погодным условиям, дававшим надежду на хороший урожай. В различных промышленных центрах — в Бирмингеме, Ковентри, Йоркшире — появилась проблема безработицы. Очень много было хлебных бунтов. Однако биржевики в апреле снова оказались на коне — возможно, благодаря слухам о мирных переговорах. В октябре они на одном и том же заседании приветствовали лондонские прелиминарии «с неистовой общественной радостью» и увеличение государственного фонда на 8%. И все же 1801 г. в целом выдался неудачным; кривая смертности достигла пика, а показатель естественного прироста населения составил всего 5,8% — против 12,7% в 1797–1799 гг. Столь непростая обстановка в стране вынудила правительство пойти на мирные переговоры.

Однако этот краткосрочный кризис не должен отвлекать наше внимание от более длительного, связанного с девятилетней войной против революционной Франции. С 1793 по 1801 г. Англии удавалось вести трудную и дорогостоящую войну и одновременно продолжать индустриализацию, хотя этот процесс и шел не так быстро, как мог бы продвигаться в мирное время. Благодаря очень высокому общему уровню сбережений крупные государственные займы не препятствовали созданию частного капитала. На фоне того, что Революция и война разорили Францию, эти достижения Англии были весьма примечательны и давали ей надежду на будущее.

* * *

Лейтмотив внутренней политики английского правительства в тот период может быть выражен формулировкой «Закончить революцию». В указанные годы Великобритания действительно закончила, вернее, «покончила» с Французской революцией — в том смысле, что благосклонные к ней голоса почти перестали звучать на политической сцене, а вместе с ними исчезла и угроза радикальных политических перемен, которая, впрочем, никогда не была серьезной. Как известно, начальный этап Французской революции активизировал уже существовавшие в Великобритании требования реформ и, прежде всего, реформы избирательной системы. Когда вспыхнула война с Францией, эти требования поутихли, но само движение продержалось до 1796–1797 гг., несмотря на отступничество многих его бывших сторонников. Зато после 1796–1797 гг. его стали покидать интеллектуалы (да будет мне позволено использовать этот анахронизм) — писатели, представители свободных профессий. Они были искренне возмущены агрессивными,

завоевательскими, империалистическими тенденциями французской политики, проявившимися с началом Итальянской кампании.

В своем знаменитом сонете Вордсворт оплакивает падение Венецианской республики и видит в этом событии предательство Францией собственных принципов. Вторжение французов в Швейцарию для кого-то стало еще более сильным потрясением. Отечество Вильгельма Телля считалось колыбелью европейской свободы, ее символом; в Англии сложился миф о Гельветии, уподобленной античным республикам, и ее порабощение французами многочисленные почитатели Революции восприняли как измену. Среди них оказался и Кольридж: в феврале 1798 г. он пишет оду Франции и, сравнивая вчерашние блестящие надежды и нынешнюю печальную реальность, просит прощения за то, что когда-то Францию поддерживал:

Прости мне, Вольность! О, прости мечты!
Твой стон я слышу, слышу твой укор
С холодных срывов Гельветийских гор,
Твой скорбный плач с кровавой высоты!⁴

Поэт призывал англичан защитить свою страну от французских захватчиков, нарушивших свои клятвы, предавших своего бога. Высказывается также мнение, что переворот 18 брюмера и установление во Франции почти деспотического режима в равной мере способствовали тому, что от нее отвернулись некоторые бывшие сторонники, однако нельзя с уверенностью сказать, что возвышение Бонапарта имело именно такие последствия. Так или иначе, многие британские демократы остались верны идеалу свободы, равенства, справедливости, но осудили его практическое воплощение во Франции и отказались от политической деятельности, посвятив себя семейной жизни или созерцанию природы. После 1803 г. некоторые из них приняли политическую философию консерваторов.

И все же две совершенно разные группы людей продолжали выступать за реформы и за мир с Францией. В первую входили Чарльз Джеймс Фокс и его товарищи. Они провозглашали здравицы в честь «нашего государя — Его Величества Народа», однако оставались при том аристократическим и парламентским кружком единомышленников без какой-либо связи с массами. И если фокситы считали, что правам и свободам англичан угрожает скорее политика короля и премьер-министра Питта, нежели Французская революция, это не убавляло их готовности дать отпор французам в случае возможного нападения.

⁴ Перевод М. Лозинского.

Вторая группа была куда опаснее — ее составляли выходцы из народа, члены радикальных клубов, возникших еще в начале 1790-х гг. и, несмотря на репрессивные меры — *Two Acts*, принятые в 1795 г., — сохранивших определенную активность. Разочарование во Французской революции, охватившее интеллектуалов, эту среду не затронуло. Лондонское Корреспондентское общество, созданное по образу якобинских клубов, сохраняло свое влияние. Более того, в 1798 г. кое-кто из его наиболее решительно настроенных членов организовал заговор. По аналогии с организацией «Объединенные ирландцы» — *United Irishmen* — и в сотрудничестве с ней заговорщики, вероятно, основали тайные общества «Объединенные англичане», «Объединенные шотландцы», в общем «объединенные британцы». Я пишу «вероятно», поскольку об этих организациях почти ничего не известно, а те скудные сведения, которыми мы располагаем, заимствованы из писем доносчиков, преувеличивавших значимость этих «объединений» и находивших в их рядах десятки тысяч хорошо организованных участников... Все же можно предположить, что революционные ячейки, временами мечтавшие поддержать вторжение французов или совершить государственный переворот, действительно существовали, но они были слишком малочисленными.

Тем не менее, в начале 1798 г., когда все со дня на день ждали высадки французских солдат на Британских островах и появилась угроза восстания в Ирландии (к этому моменту я еще вернусь), правительство запаниковало. В апреле были задержаны руководители Корреспондентского общества и другие радикалы, а также приостановлено действие акта *Habeas Corpus*, что позволило властям держать в тюрьмах подозреваемых без суда в течение трех лет. Далее был принят суровый закон о печати, а затем, в 1799 г., — закон «Об упразднении мятежных и изменнических обществ», запрещающий поименно Корреспондентское общество и все «объединения» — ирландцев, шотландцев и т. д.; он предусматривал жесткие ограничения, касающиеся собраний, сообществ и издательской деятельности. Добавлю, что в 1799 г. был также принят акт против организаций рабочих (*Combination Act*, дополненный еще одним в 1800 г.): разумеется, тред-юнионы и стачки были давно под запретом, но новые постановления упростили преследование нарушителей этого запрета и ужесточили наказания.

В целом можно сказать, что все это драконовское законодательство оказалось вполне эффективным — в результате были уничтожены последние радикальные клубы и на десятилетие пресечена всякая демократическая и реформаторская активность. В 1801 г., правда, повышение цен на продовольственные продукты спровоцировало мно-

жество бунтов и забастовок, но принято считать, что в общем-то они не имели политического характера. Лишь знаменитый историк левого толка Эдвард Томпсон видит за этими волнениями организованное подпольное революционное движение, главным образом в Ланкашире и Йоркшире, со всеми атрибутами — тайными ночными сходками, принятием присяги и съездами делегатов от ячеек на местах. Аргументация Эдварда Томпсона, однако, не убедительна, да и волнения прекратились, как только цены были снижены⁵. При этом нельзя не согласиться с Томпсоном в том, что некий «якобинский» дух проник во многие сообщества рабочих и в их нелегальные тред-юнионы (революционная терминология и ссылки на Французскую революцию присутствуют в письмах с угрозами, листовках, плакатах). Но проявился этот дух лишь в 1811–1812 гг., во время волнений, вызванных луддитами — разрушителями машин, а затем в полной мере — уже в радикальном движении, которое стало набирать силу начиная с 1815 г. Некоторые вожди этого движения получили политическое образование в революционный период и определенная преемственность просматривается в их программах. Между тем, последней вспышкой истинного английского якобинства все же стал заговор, возглавленный полковником Деспардом, отставным офицером. Он был арестован в декабре 1802 г. по обвинению в намерении убить короля и захватить лондонский Тауэр и казнен вместе с шестью соучастниками.

Итак, именно в период «до и после 18 брюмера» все и без того слабые революционные порывы были уничтожены в Англии, а контрреволюционные консерваторские идеи, усиленные всплеском патриотизма перед французской угрозой, надолго утвердились в политике.

В Англии с Революцией было покончено, то же самое произошло и в Ирландии, где, в отличие от Великобритании, как принято считать, в 1790-х годах революционная ситуация проявилась в полной мере вследствие угнетения прав католического большинства населения. Правда, современные ирландские историки ревизионистской школы полагают, что обстановка в Ирландии была довольно спокойной и республиканские борцы за независимость составляли меньшинство. Однако эти борцы были хорошо организованы и участвовали в настоящем революционном движении «Объединенных ирландцев», у них были связи с Францией, и они рассчитывали на ее военную поддержку. Несмотря на превентивные меры правительства, 24 мая 1798 г. вспыхнуло восстание. Но за месяц оно было подавлено — ценой 30 ты-

⁵ *Thompson E.P. La formation de la classe ouvrière anglaise. P., 1988. См., прежде всего, гл. 14.*

сяч жизней. Жестокость репрессий, правда, остается на совести разбушевавшихся войск — правительство не отдавало таких распоряжений. Французская же помощь оказалась *too little and too late* — слишком незначительной и запоздавшей: тысяча солдат под командованием генерала Юнбера (Humbert), высадившиеся на остров 29 мая, одержали несколько побед, но были вынуждены сдать 8 сентября. В октябре другой французский экспедиционный корпус был перехвачен на море и большей частью взят в плен. Находившегося среди французов, ирландского вождя Уолфа Тона арестовали и приговорили к смерти, хотя он носил мундир офицера французской армии. Не дожидаясь повешения, Тон покончил с собой.

На этом британские власти не успокоились — Ирландия продолжала оставаться ахиллесовой пятой Англии. Питт и его коллеги пришли к выводу, что *Ascendancy*, то есть правительство Ирландии, представленное протестантским меньшинством в парламенте Дублина, неспособно обеспечить защиту острова и его участие в войне с Францией, более того — оно никогда не примет уступок для католиков, которые взамен готовы будут продемонстрировать Англии свою лояльность, а в необходимости такой сделки премьер-министр был уверен. В июне 1798 г. Питт начал работу по подготовке унии — слияния Ирландии и Великобритании. Понадобилось 18 месяцев для того, чтобы добиться одобрения этого проекта как в Вестминстере, так и в Дублине, где пришлось убеждать ирландский парламент самоупраздниться (тут сделали свое дело подкупы). «Акт об унии» был наконец принят в феврале 1801 г. Однако по настоянию короля и влиятельных протестантов он не содержал никаких пунктов об уступках католикам (в том числе пункта о предоставлении им равных политических прав), которые изначально предполагалось включить туда как основу для объединения. Католиков — а многие из них не возражали против унии — просто одурачили, что обусловило последующее возникновение протестов. И все же за короткое время уния усилила британские позиции в Ирландии, которая стала менее беззащитной перед внутренним восстанием и внешней, французской, угрозой. Недавно Уильям Дойл, английский историк Французской революции, заметил, что вместе с упразднением ирландского «подкоролевства» был уничтожен один из самых характерных признаков Старого порядка в британском государстве. То есть это была победа якобинского принципа всеобщего объединения и вместе с тем — конец Революции в Ирландии! ⁶

⁶ Doyle W. The Union in a European context // Transactions of the Royal Historical Society. 6e série. 2000. N 10. P.177–181. Остальные десять глав этой книги представля-

* * *

В начале 1798 г. ее положение выглядело критическим: после подписанного австрийцами перемирия в Кампоформии Англия оказалась в изоляции, существовала угроза высадки на ее берегах или в Ирландии Английской армии под командованием Бонапарта. Правда, внутри страны имел место всплеск патриотизма, война стала делом всего народа, были приняты меры по усилению регулярной армии, развернута вербовка добровольцев, которые не заставляли себя ждать — приходили толпами. Впрочем, как написал недавно один английский историк, Англии сильно повезло, что никто не стал убеждаться в эффективности этих мер на практике и не проверил ее обороноспособность.

Действительно, Бонапарт предпочел направить свои стопы в Египет. И ситуация для Великобритании изменилась: сначала была морская виктория при Абукире (1 августа 1798 г.) — из тринадцати французских кораблей спастись удалось только двум. Помимо прочего, эта оглушительная победа имела огромный резонанс в Европе и внесла свою лепту в создание второй коалиции, о первых успехах которой в 1799 г. нет нужды напоминать. Конечно, Питт, как и во времена первой коалиции, оказался неспособен навязать союзникам единую стратегию и общие военные цели. И все же он отправил в Голландию англо-русский экспедиционный корпус, который должен был оттуда двинуться на Париж. Правда, спустя несколько недель, в октябре 1799 г., солдатам пришлось снова погрузиться на корабли и отправиться во свояси. Тем не менее в конце 1799 г., несмотря на победу Массена под Цюрихом, Лондон был настроен весьма оптимистично и предложение мира, выдвинутое Первым консулом, англичане с презрением отвергли, заявив, что мир будет заключен только после реставрации Бурбонов. События 18 брюмера рассматривались теперь в Англии как один из многих гнусных государственных переворотов, а женеvский эмигрант Франсис д'Ивернуа издал в Лондоне в июне 1800 г. книгу под названием «Причины, каковые привели к узурпации власти генералом Бонапартом и готовят его гибель».

Однако Наполеон навстречу гибели не торопился — в его распоряжении оставалось еще 14 лет, и в 1800 г. произошел новый поворот. Английское правительство рассчитывало на Австрию, которой были предоставлены субсидии, и на собственную усиленную армию. Но военные диверсии на побережьях Франции и Испании не принесли же-

ют собой доклады, подготовленные для состоявшегося в 1999 г. симпозиума на тему «Британско-ирландское объединение 1801 г.».

ланного результата, а единственным успешным предприятием стал захват Мальты в сентябре. Что касается Австрии, то она заплатила по счетам при Маренго и Гогенлиндене, да так, что вынуждена была подписать мирный договор в Люневиле 9 февраля 1801 г. Англия опять оказалась в изоляции, а создание Лиги нейтральных держав и сближение императора Павла I с французским правительством угрожали перекрыть балтийский морской путь и датские проливы, жизненно необходимые Англии для снабжения зерном и морскими боеприпасами.

К этому добавился внутренний политический кризис: Питт хотел дополнить «Акт об унии» отменой статей, ущемляющих права католиков, но король, полагавший, что это противоречит его священной клятве защищать протестантскую веру, воспротивился, и 5 февраля премьер-министр ушел в отставку. Распространено мнение, что Питт прекрасно осознавал необходимость мирных переговоров с Францией, но никак не мог на них решиться. Едва ли это было так. В любом случае, от войны устали все, даже сторонники правительственного курса. Пост премьер-министра занял Генри Аддингтон. Он не был настолько уж заурядным политиком, каким его выставляет Каннинг, скаламбуривший: «Питт по сравнению с Аддингтоном — все равно что Лондон по сравнению с Паддингтоном» (Паддингтон в те времена был деревушкой в предместье столицы). По крайней мере, Аддингтон очень быстро предложил Франции начать переговоры, но они затянулись надолго — главным образом из-за условий, которые выдвигала французская сторона⁷, — и в итоге успел произойти третий и последний поворот в течении событий, благоприятный для Англии.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Павел I был убит, и Александр I взял курс на сближение с Великобританией. 28 марта эскадра Паркера и Нельсона разгромила датский флот под Копенгагеном и правительство Дании вынуждено было сдаться на условиях англичан. Это был конец Лиги нейтральных держав, Балтика оказалась открытой для Англии.

В марте 1801 г. английские войска высадились в Египте и начали военные действия, которые закончились капитуляцией Александрии 30 августа. В том же месяце, однако, попытка англичан уничтожить булонскую флотилию закончилась провалом. «Страшная череда поражений», как удачно выразился Мишель Керотрэ в не так давно

⁷ Бонапарт требовал реституции английских колониальных владений, Аддингтон предлагал *uti possidetis*. (Т. е. принцип взаимного признания участников войны на захваченный ими территории. — Прим. ред.)

опубликованной статье⁸, завершилась лондонскими прелиминариями 1 октября, и, по сути, это соглашение мало чем отличалось от Амьенского мирного договора (25 марта 1802 г.). Из своих колониальных владений Англия сохранила Цейлон и Тринидад, но лишилась Мартиники и Кейптауна (и, если угодно, Египта). Она молча смирилась с тем, что Франция существенно увеличила свою территорию и даже вышла за пределы естественных границ. Воинственный Каннинг заявил, что это был мир, которым «каждый доволен, но никто не может гордиться (*proud*)». Действительно, это был вынужденный мир, мир от усталости, мир, к которому привели неоднократные бесплодные попытки создать дееспособную военную коалицию. И в конце концов, это было признание неудачи в войне, начатой для того, чтобы «остановить продвижение французских принципов и французских армий» (а заодно «освободить» Бельгию).

Тем не менее, Англия не была повержена — она не выиграла эту войну, но и не проиграла. Энергия ее экономического роста не ослабела, Англия осталась морской державой и даже сделалась сильнее, чем когда-либо. Она не возражала против опыта мирного сосуществования с заклятым врагом, но могла изменить правила игры в любой момент, как только это мирное существование пойдет вразрез с ее интересами. С другой стороны, Амьенский мир положил конец Революции и в ином смысле. Когда военные действия возобновились в 1803 г., это было уже столкновение двух империалистических держав (а не «социальная интернациональная война», как говорил Жорж Лефевр о событиях 1790-х гг.), хотя британские правящие круги и продолжали смотреть с аристократической спесью и презрением на низкородного выскочку Бонапарта, что в немалой степени обуславливало их враждебное к нему отношение.

⁸ *Kerautret M.* La France face à l'Europe. Une partie d'échecs de huit mois. De la paix continentale à la paix maritime (février-octobre 1801) // *Revue du Souvenir Napoléonien*. Avril-mai 2001. N 434. P.17–29.